

Девочка, не разбирая дороги, налетела прямо на коня Дуань Минчэня. Её взгляд скользнул по нефритовой пряжке с драконом-чи на его поясе. Хотя она была мала, но глазастым оказалась: такие пряжки с изображением безрогого дракона могли носить лишь сановники третьего ранга и выше. Она мгновенно сообразила, кто перед ней.

В ужасе оглянувшись на приближающихся стражников, она с глухим стуком упала на колени перед Дуань Минчэнем и, рыдая, взмолилась:

— Ваша милость, спасите! Умоляю, спасите меня!

Девочка с двумя пучками волос, с лицом, будто вылепленным из нежного фарфора — несомненно, будущая красавица. Её испуганный взгляд напоминал взгляд загнанной ланки, и вид её был до бесконечности жалок.

— Эти злодеи убили моего старшего брата... Я... я не хочу, чтобы меня схватили! Умоляю вас, сжальтесь, спасите меня! Спасите! — Льются слёзы, и девочка яростно бьётся лбом о камни мостовой, так что на белоснежном лбу тут же проступают кровавые полосы.

Дуань Минчэнь, как член Гвардии в парчовых халатах, не понаслышке знал о конфискации имущества и арестах и не был человеком мягкосердечным, но и его сердце сжалось от жалости.

Однако, не дав ему и слова молвить, один из стражников Восточной Ограды с грубым, мясистым лицом нагнал девочку сзади, схватил её за пучок волос. Та вскрикнула от боли и рухнула на землю.

— Руки прочь! — Дуань Минчэнь нахмурился.

Стражник со злобной физиономией, судя по одежде, был мелким начальником в Восточной Ограде. На Дуань Минчэне не было служебного мундира, и тот, очевидно, не узнал его. Он презрительно покосился на Дуань Минчэня и с фальшивой ухмылкой процедил:

— А вы что, собрались мешать Восточной Ограде вести расследование? Или, может, сами из банды мятежников?

Ли Чжэ, видя это, поспешил вмешаться, расплывшись в подобострастной улыбке:

— Брат Ван, это господин Дуань из Цзиньивэй! Все свои, свои!

Начальник по фамилии Ван лишь холодно хмыкнул, явно не ставя этого «господина из Цзиньивэй» ни в грош. Как орёл, хватающий цыплёнка, он легко подхватил рыдающую и вырывающуюся девочку и швырнул её в повозку для заключённых.

Ли Чжэ неловко рассмеялся, потом откланялся Дуань Минчэню и последовал за остальными.

После того как люди Восточной Ограды удалились, в ушах Дуань Минчэня ещё долго стоял пронзительный плач девочки.

Заместитель министра Чжан, вовлечённый в мятеж, неминуемо ждал смертной казни. Его семье — мужчинам — предстояла ссылка за тысячу ли, а женщин... вероятно, ожидала участь наложниц в Музыкальной палате.

Хотя Дуань Минчэнь и сострадал им, он был бессилён что-либо изменить. Вспоминая полные

слёз глаза девочки, он чувствовал, как в груди что-то тяжелеет, становилось душно и неприятно.

Если уж мелкий начальник из Восточной Ограды держался столь надменно и нагло, то, как говорится, «если верхняя балка крива, то и нижние перекошены». Имея таких подчинённых, можно было представить, насколько же зазнался их глава! Ещё не успев провести допрос и вынести приговор, они уже отрубили голову и вывесили её на всеобщее обозрение. Столь жестокие методы говорили о том, что с этим человеком лучше не связываться!

Из слов Ли Чжэ сквозила явная боязнь этого человека. Видимо, Гу Хуайцин был злобредным типом. В душе Дуань Минчэнь вновь вспыхнули смешанные чувства настороженности и брезгливости.

Авторское примечание: Пара — крутой парень из Цзиньивэй и демонически прекрасный лже-евнух из Восточной Ограды. Расследования и раскрытие преступлений.

Толпа рассеялась, и Дуань Минчэнь пришпорил коня, устремившись вперёд. В мгновение ока он достиг своего дома, расположенного в переулке Львов в южной части города.

Предки Дуань Минчэнь не были коренными пекинцами, да и в столице у них не имелось родни.

Дуань Минчэнь рано лишился отца, и мать, госпожа Юнь, в одиночку подняла его на ноги. Мать и сын поддерживали друг друга, и связь между ними была особенной.

Дома уже получили письмо и знали, что он вернётся сегодня. Управляющий, дядюшка Чжун, с самого утра караулил у ворот. Услышав стук копыт, он сразу понял, что молодой господин прибыл, и, велев служанке известить госпожу, поспешил навстречу.

— Молодой господин, молодой господин, вы наконец-то вернулись!

— Дядюшка Чжун, сколько лет, сколько зим! — С улыбкой Дуань Минчэнь передал коня дядюшке Чжуну и тут же спросил:

— А где матушка?

— Госпожа уже давно ждёт вас в зале. Прошу, поспешите.

Дуань Минчэнь кивнул, поправил одежду и головной убор и почти побежал во внутренние покои.

Посреди зала восседала прекрасная дама. Волосы её были уложены в высокую причёску «падающая с лошади», на ней — голубой халат с широкими рукавами и юбка с орнаментом «лошадиная морда» из голубого атласа. Без косметики и украшений, она, тем не менее, обладала красотой, способной покорить целые города.

Этой прекрасной госпоже на вид было всего лет тридцать. Рядом с Дуань Минчэнем они смотрелись скорее как брат с сестрой, и кто бы мог подумать, что она — его родная мать?

— Матушка, сын вернулся! — Дуань Минчэнь, словно гора, рухнул на колени перед матерью.

Госпожа Дуань ухватилась за сына, и слёзы брызнули из её глаз:

— Сыночек мой, три года, целых три года! Мать наконец-то дождалась тебя!

У Дуань Минчэня тоже навернулись слёзы, и он произнёс с чувством вины:

— Сын не почтителен, заставил матушку тревожиться! Сын... тоже очень скучал по матери...

— Свет моих очей, дай же матери наглядеться на тебя... Ой, почернел, похудел! Наверняка немало hardships пришлось перенести? — Нежные руки госпожи Дуань скользили по лицу и телу сына, не скрывая сердечной боли.

— Матушка, я в порядке, всё в порядке. Вот же, вернулся целым и невредимым! — Перед родной матерью с Дуань Минчэня словно слетела вся его обычная сдержанность, и он, словно ребёнок, припал к её коленям. — А матушка совсем не изменилась, всё такая же юная и прекрасная!

— Э-э, знаешь, как сладкими речами мать ублажить! Твоей матери уже за сорок, старуха, какая уж тут красота?

— Что вы, матушка! Для сына вы навсегда останетесь самой прекрасной! — Дуань Минчэнь вдруг что-то вспомнил, достал из-за пазухи небольшую нефритовую шкатулку и с гордостью подал её госпоже Дуань. — Матушка, это я привёз вам из северных пределов. Посмотрите, нравится?

Госпожа Дуань приняла шкатулку, открыла её, а внутри оказалась пара золотых серёжек-фонариков, инкрустированных агатом.

— На севере особых красот нет, зато агаты там высшего качества. Вот я и заказал для вас пару.

Госпожа Дуань взяла серёжки в ладони, внимательно разглядывая. Агат был сочного цвета, работа — невероятно тонкая. Она спросила:

— Эти серёжки, наверное, целое состояние стоили?

Дуань Минчэнь рассмеялся:

— Не так уж дорого. Главное, чтобы вам нравились. Надеть вам?

Но госпожа Дуань покачала головой, положила серёжки обратно в шкатулку и серьёзно сказала:

— Мать прибережёт их для тебя. Потом отдашь своей будущей супруге.

Дуань Минчэнь опешил, слегка покраснев:

— Матушка... это...

Госпожа Дуань глубоко вздохнула и меланхолично произнесла:

— Сынок, тебе уже двадцать пять. Другие в твои годы уже окружены детьми и внуками. Эх, каждый раз, как вспомню об этом, чувствую, будто подвожу твоего покойного отца...

С этими словами она достала шёлковый платок и вновь собралась утереть слёзы.

Дуань Минчэнь ничего на свете не боялся, кроме материнских слёз, и поспешил утешить:

— Матушка, не плачьте! Брачные узы предопределены Небом, торопить тут бесполезно!

Госпожа Дуань продолжала, словно сама с собой:

— Ты хоть и унаследовал мою внешность, статен и красив, отчего же с браком у тебя такие трудности?

— Помолвку с второй дочерью семьи Цзян, которую твой отец тебе в детстве устроил... Девушка была хорошая, жаль, болезненная, не дожила до совершеннолетия.

— Потом, после того как ты с триумфом выиграл военные состязания, к нам вдруг повалили свахи. Мать выбирала-выбирала и остановилась на старшей дочери из рода Чжунъюбо, даже обручальные подарки отправили. И кто бы мог подумать... эта, с виду скромная девушка, оказалось, поуталась с конюхом и в итоге с ним сбежала...

Дуань Минчэнь не мог не схватиться за лоб, мысленно прося мать не вспоминать этот позорный эпизод с сбежавшей невестой — уж очень неприятно. Он попытался успокоить:

— Матушка, что было, то прошло, забудем!

Госпожа Дуань бросила на сына сердитый взгляд, полный разочарования:

— Мать дважды за тебя решала, и оба раза неудачно. Вот я и подумала: пусть уж ты сам выбираешь, так хоть на приглянувшуюся тебе попадешь. Кто понравится — мать сама пойдёт сватать. Но ты-то... эх!

Дуань Минчэнь опустил голову, не смея возразить, но в душе у него были свои соображения.

Род Дуань не имел в столице прочных корней и влиятельных покровителей. Знатные аристократические семьи смотрели на него, человека без мощной клановой поддержки, свысока. А семьи учёных чиновников не желали выдавать дочерей за члена Гвардии в парчовых халатах — всё-таки Цзиньвэй были когтями и клыками императора, репутация у них была не ахти, да и работа опасная.

— Не то чтобы сын не старался. Просто меня отправили в северные пределы, где я целыми днями вертелся среди грубых мужланов, так откуда там невесту взять?

— А ещё говоришь! А как же Юйнян? Ты спас её от разбойников, она была в тебя без ума, клялась, что ни за кого, кроме тебя, не выйдет. А ты ей письмо с отказом написал, да ещё и заставил меня удочерить её и замуж за другого выдать!

<http://bllate.org/book/16283/1466592>